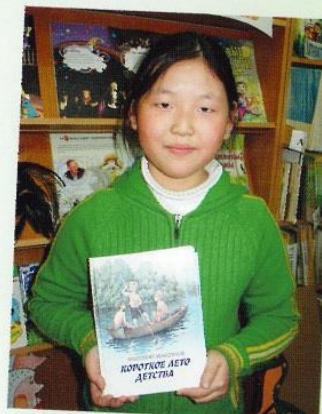

ТАЁЖНОЕ ДЕТСТВО ПИСАТЕЛЯ

Аня И, ученица гимназии № 6, подсказала мне тему для сегодняшнего разговора. Она прочитала книгу «Короткое лето детства» дальневосточного писателя Анатолия Максимова и попросила рассказать о нём. Ей хочется узнать, откуда писатель так хорошо знает, как живут люди в тайге.

Анатолий Николаевич Максимов родился и живёт в Хабаровске. Но всё детство провёл в таёжных деревнях, расположенных на реке Кур, протекающей по Хабаровскому району. Учился в новокуровской школе. Он очень рано начал писать стихи, записывать истории из жизни. В этой школе был литературный кружок для ребят, мечтающих научиться писать стихи и рассказы. Вела его молодая учительница Галина Васильевна Черноголовина. Она первая заметила литературные способности своего ученика, и до сих пор Анатолий Николаевич с теплом вспоминает её помощь. Благодаря ей он стал писателем.

20

Первая его повесть «Как я жил в тайге» была напечатана в Москве. Она сразу же понравилась и взрослым, и детям, пробудила интерес к дальневосточной природе, к людям, живущим в таёжном краю. А потом в издательствах Москвы и Хабаровска вышло много книг, и все они были адресованы детям: «Путешествие в детство», «Барсучата», «Проводник» (1963), «Тимкина беда» (1965), «Лесные клады» (1968). Сюжеты книг взяты из жизни. И в них кроется ответ на вопрос, который задала Аня: «Откуда писатель так хорошо знает, как живут люди в тайге?» Если бы писатель не жил с малых лет в лесу, на пасеке, не был бы рыбаком, охотником — не было бы прекрасных детских книг о родной природе, её богатствах и людях.

И дальше Анатолий Максимов продолжает писать для детей. Вышли его книги: «Петрушкина застава» (1982), «Подлётыши» (1983).

Уже несколько изданий выдержал роман «Чудаки с Улики» о дальневосточной деревне. За эту книгу А. Максимова была присуждена премия Хабаровского комсомола.

За книгу «Короткое лето детства», которую Аня выбрала почитать, писатель был удостоен премии губернатора края.

Хотите посмотреть на тайгу глазами человека, живущего в ней с детства? Почитайте его рассказы из книги «Как я жил в тайге».

ПЯТНИСТЫЙ ИЗЮБРЁНОК

Весенним утром, когда у зверей рождались детёныши, дед ходил в лесу, а Сокол рыскал вблизи хозяина, беспокоя мелких зверьков. Вдруг он затавкал. Дед поспешил на его зов.

В лапах собаки беспомощно бился пятнистый изюбрёнок. Он выгибал шею, прядал просвечивающимися на солнце ушами и тоскливо оглядывался. Дед нагнулся к изюбрёнку, а Сокол отошёл, миролюбиво виляя хвостом и наблюдая за пленником.

Когда изюбрёнка занесли в дом, он прыгнул на печь и недоверчиво уставился на бороду деда большими тёмно-серыми глазами. Они походили на человеческие.

Я сбегал на поляну, нарвал травы с цветами земляники и постелил в большой фанерный ящик. Туда посадили пленника. Он стучал копытами и чёрным носом, тыкался в щели. Я подходил на цыпочках, изюбрёнок навострял уши.

Странно, когда он только научился осторожности и боязливости? Такой слабый и смешной. Наверное, хватил горя, безпризорничая.

Целый день не ел изюбрёнок, жаль мне было его. А вдруг не возьмёт еду совсем, как ястреб, подаренный на-найцем? Так и пришлось его выпустить.

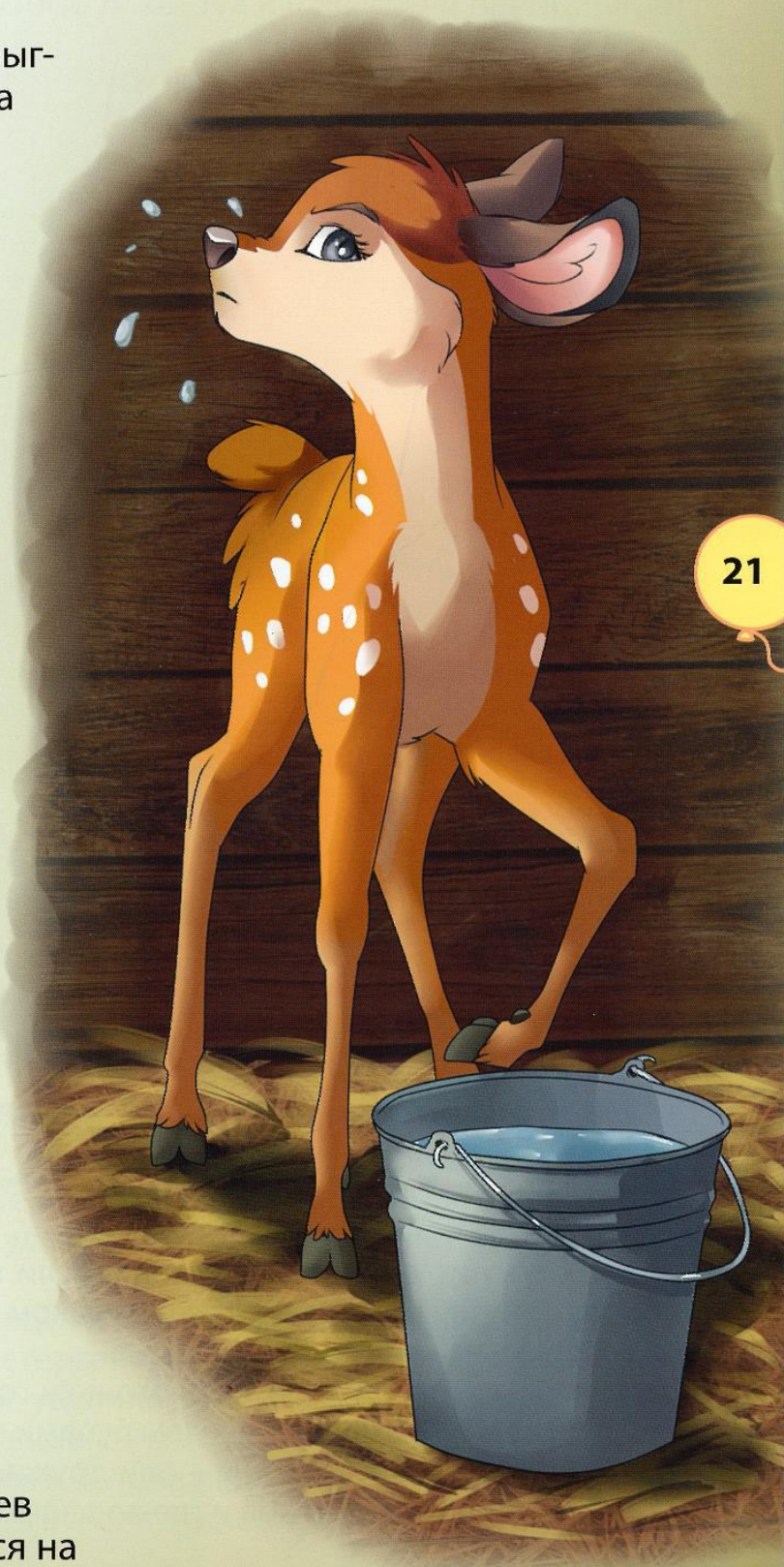
– Не журишь, – успокаивал дед. – Проголодается, подавай тогда берёзовых и дубовых листьев.

На другой день изюбрёнок жадно набросился на тальниковые ветки. Я с ведром сбегал на Амур, подставил изюбрёнку воду. Он фыркал так, что брызги полетели в разные стороны, и укоризненно посмотрел на меня. Я смутился и огорчённо заявил деду:

– Не пьёт.

– Из ведра не будет, ты к Амуру своди его.

Я повел изюбрёнка на бечёвке. Увидев искристую воду, он поскакал, остановился на

берегу и закричал, как младенец. А потом начал пить. Стоял по коленца в реке и долго пил.

Изюбрёнок быстро привязался к нам. Через месяц он уже не дёргался на бечёвке, а свободно прыгал у избы.

Однажды мы отправились в тайгу. Дед вышел поглядеть, нет ли гусениц на молодых листьях.

Рядом со мной брёл Рыжик, так мы называли питомца. Сокол, как все охотничьи собаки, бегал между деревьями. Неожиданно он сердито залаял и выгнал на меня бурую косматую лису. Лиса чуть не сбила Рыжика. Он шарахнулся в сторону, закричал и скрылся в кустах. Я бросился за ним.

– Рыжик, Рыжик! – звал я, но он не отзывался.

Дорогой я ругал Сокола; тот виновато щурил глаза и шёл позади.

– Вернётся, если полюбилось у нас, а нет – вольному воля, – сказал дед.

Ночью я не спал, а горевал... Вот и пропало всё, а мечты были... Мне хотелось вырастить Рыжика, и чтобы у него родились изюбрыта, и они выросли, потом у них детёныши. И так огромное стадо. Вспомнил я мечты, и слёзы закапали на подушку. В дверь кто-то легонько тукнул. Радостно заскулил Сокол, затем ещё громче. Я вскочил, открыл дверь. У порога стоял беглец. Я взял его на руки, изюбрёнок лизнул мой нос. В его глазах отражались звёздочки.

Другую половину ночи я спал непробудным сном.

КАК Я ЛОВИЛ ЩУКУ

Кто проспит до восхода солнца, если перемёт наживлён крупными гольянами? Я поднялся чуть свет, протёр глаза кулаком и спрашиваю деда:

– Звёзды на небе?

– Звёзды, – ответил он, – как огоньки горят.

В доме темно. Вышел я, звёзды лучами протянулись ко мне. Ветерок налетел с реки, как музыкант тронул листья – они дружно зашелестели. Светало. Лёгкий туман укрывал Амур, плескалась рыба и где-то далеко-далеко куковала кукушка. В тальнике пела иволга.

Прибежал Сокол, не раздумывая прыгнул в лодку, и я оттолкнулся. «Поймалась или не поймалась?» – гадал я, и чем ближе к переёму, тем тревожнее было в рыбацкой душе. На проволоку нанизаны капельки росы. Когда я взялся за проволоку, пропал туманный Амур. Сокол перестал дышать и цокал зубами. Я видел крючки переёма и полоску воды. Булькнул краснопёр, измятый щучьими зубами, чебак возмущался, что бросают мальков с крючками. Он и в лодке норовил сильнее ударить хвостом. Несколько ленивцев сомов охотно скатились к чебаку.

И вдруг: что это? Половина сига торчит из воды, а другая застряла. Вижу зелёный нос щуки, и глаза светятся, что у кота! Ох и струхнул я! Опустил переём в лодку и стою:

то ли караул орать, то ли цапать. Щука, похожая на бревно, медленно водила хвостом.

Я проклял память. Это по её милости забывал ичиги там, где играл с приятелями, как-то карасей нажарил без соли, в диктанте не проставлял запятые, а теперь сачок забыл. Что делать? В лодке весло. Если им ударить по голове хищницу, она отпустит сига и уйдёт.

Мне до боли хотелось поймать её, и я пальцами тронул щучьи глаза. Фонтан ударил в лицо. Лодку качало, на поводке висел истерзанный сиг. Сокол осуждающе повизгивал, а чебак перестал хлестаться, чтобы не увеличивать мою злость.

Вершины синих гор, край неба так раскалились, что казалось, обрушатся на мутно-зелёный лес. В траве свистели утята, стрижи летали над моей головой. Я сидел на корме, не в силах поднять весло, и горевал об ускользнувшей добыче.